Вряд ли можно описать возникшую в это мгновение картину всеобщего ужаса! Даже всегда полная решимости Уолли потеряла самообладание. Только когда в церковь вошли двое слуг с зажженными свечами, всеобщее волнение улеглось.

Однако это удивительное событие бросило тень на всеобщее настроение. За праздничным столом не наблюдалось особого веселья, и хотя Уолли шутила и весело смеялась рядом с графом Штайнахом, он оставался серьезным и молчаливым.

Неужели ужасное событие пробудило его совесть? Может быть, он вспомнил свой первый брак, когда целомудренная и прекрасная девушка так робко и застенчиво прижималась к нему?

Может быть, перед ним теперь возник обвиняющий образ его слепой жены? Вспоминал ли он ее прощальные слова, в которых она просила у него прощения, написав:

— Да простит тебя Бог — а я не в силах!—

Графу потребовалось усилие, чтобы отвлечься от образов прошлого.

— Прочь от меня, жуткие образы! Почему в этот час вы напоминаете мне о разбитом сердце?— — воскликнул он.

Дрожащей рукой граф потянулся к пенящемуся кубку с шампанским и опустошил бокал до последней капли. Он хотел забыться и отдаться жажде любви! Покойница там, в пруду замка, не должна омрачать его счастья!

Женщина, сияющая юной красотой, подсела к нему. Её маленькая ручка взяла его за руку, а её сладкий смех овладел его душой.

Наконец, гости покинули замок, и молодожены остались одни. Они вышли на балкон.

Уолли прильнула к графу и крепко обняла его. Ее горящие глаза метнулись в сторону башни; теперь она и в самом деле оказалась победительницей!

Все еще наполовину опьянев от шампанского, граф притянул ее сладострастную фигуру к себе и зашептал ей на ухо страстные слова любви.

И тут в ночной тишине из башни донесся женский пронзительный крик:

— Верните мне мое дитя!—

Словно пораженный молнией, граф попятился назад; лицо его побледнело, а глаза чуть не вылезли из глазниц.

— Что это был за крик? — простонал он. — Откуда он? Герда! Нет, нет, — быстро добавил он, — должно быть, это наваждение, ведь она мертва!

Хотя Уолли была не менее напугана, чем он, она сохранила самообладание. Она нежно обняла его и поспешно спросила:

— В чем дело, Ганс? Почему ты так напуган? Ведь я ничего не слышала!

Как хорошо она умела лгать!

Он неуверенно посмотрел на нее.

— Но и ты должна была услышать этот крик… такой громкий и умоляющий! — настойчиво повторял он. — Как будто Герда взывала к нам: — Верните мне мое дитя!—

На лице интриганки не дрогнуло ни один мускул. Она неподвижно смотрела на него и покачала головой, ответив:

— Любимый, шампанское помутило твой разум, и ты слышишь то, чего на самом деле нет! Повторяю тебе еще раз — я ничего не слышала, абсолютно ничего. Ты, должно быть, ошибся! Дорогой, не вспоминай больше о прошлом, ведь настоящее так прекрасно! Разве мы не безгранично счастливы? Наконец-то я вся твоя, и ничто не сможет нас разлучить!

— Да, теперь ты моя! — горячо воскликнул он, неистово прижимая красавицу к своей груди. — Скажи мне, что ты любишь меня, Уолли! В твоих объятиях я хочу позабыть обо всем, обо всем!

С ослепительной улыбкой сирена прижалась к нему.

— Я люблю тебя, Ганс, люблю тебя больше всего на свете! — лепетала она, опьяненная любовью. Она еще не знала, что рядом в кустах находится мужчина, который слышал каждое ее слово и его ревность почти сводила его с ума.

— Клянись мне, Уолли, что ты прежде не любила так— , — продолжал граф, охваченный сильным чувством опьянения.

Она прильнула к нему еще ближе, и из приоткрытых уст вырвалось:

— Клянусь тебе, Ганс, что я отдала тебе незапятнанное сердце, что я никогда не любила мужчину так, как люблю тебя!

В тот же миг прогремел выстрел с очень близкого расстояния. Пуля пролетела рядом со щекой графа и впилась в стену позади него.

Вскрикнув, оба попятились назад, приходя в себя от оцепенения. Ганс огляделся вокруг, теряясь в догадках, а Уолли, побледневшая как полотно и с дрожью в руках, прижалась к стене.

Неужели в этот вечер собрались все злые духи? Сердито заскрипев зубами, граф взял себя в руки.

— Откуда этот выстрел? Я поймаю негодяя! — гневно воскликнул он и уже собирался броситься вниз по ступенькам.

Тогда женщина, дрожа от страха, вцепилась в него.

— Нет, нет, я тебя не отпущу! — вскричала она. — Ты для меня очень дорог. Если первая пуля пролетела мимо, вторая может отнять у меня навсегда. Нет, ты один мой единственный, теперь я не отпущу тебя никуда от себя!—

Он сам был поражен ее страхом, но гнев его все еще не утих.

— Но, безусловно, я должен узнать, кто осмелился выстрелить в меня! — прорычал он.

— Это был сумасшедший, Ганс. О, оставайся, оставайся, или я просто умру от страха! Завтра

же сообщим об этом в полицию, и они непременно найдут преступника! А теперь пошли в дом, дорогая. О, Ганс, как же я дрожу! Идем, здесь так страшно, я не хочу больше оставаться здесь!

Крепко обнимая все еще слабо сопротивляющегося мужчину, она с нежностью потянула его в комнату.

Два светящихся глаза следили за ними: затем фигура, притаившаяся в кустах, распрямилась и пробормотала какие-то слова. Быстро, как тень, она исчезла в ночи.

Не успел забрезжить рассвет, как женская фигура, закутанная в широкий плащ, торопливо зашагала к башне.

Робко оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что за ней никто не наблюдает, Уолли наконец открыла дверь и поднялась по лестнице. Войдя в комнату, куда поместили несчастную слепую женщину, она достала из кармана электрический фонарь и в отблеске света увидела Герду, лежавшую перед ней в состоянии глубокого сна от изнеможения.

— Я отнесу ее в надежное место, где она проведет остаток своих дней! — прошептала про себя преступница.

Неужели инстинкт слепой женщины заставил ее ощутить близость своего смертельного врага? Герда внезапно очнулась и стремительно выпрямилась.

— Кто здесь со мной? — спросила она.

— Это я, Уолли! — ответила та.

— О, ты! — задрожав, злополучная женщина распрямилась и встретилась лицом к лицу со своим врагом, близость которого заставила ее сердце бешено колотиться.

— Неужели брачная церемония все же состоялась?— — простонала она, задыхаясь.

— Да, безусловно! — с усмешкой ответила Уолли. — Ты не могла этому помешать! Теперь я графиня Штайнах! Все, чем ты когда-то владела и чему я завидовала тебе, теперь принадлежит мне! Ганс боготворит меня: я теперь хозяйка в замке, а ты — ты больше не нарушишь мой покой своими криками. Никогда больше ты не покинешь эту башню, ибо мир не должен знать, что ты жива! Я всегда ненавидела тебя за то, что ты живешь в богатстве, а я в нищете. Теперь мы поменялись ролями, и ты — нищенка!

— Забери у меня все, богатство и счастье, но оставь мне моего ребенка, мое единственное сокровище в этом мире! Смилуйся, Уолли, как ты когда-то уповала на милосердие Божье!

Это было сокрушительное зрелище — видеть, как слепая графиня, превозмогая боль, падает к ногам ее врага и воздевает руки в мольбе.

— Помилуй, Уолли! — рыдала она. — Видишь, что ты сотворила из меня — слепую, отвергнутую женщину! Хватит уже меня мучить, прояви хотя бы милосердие и оставь со мной мое дитя!

Безжалостный, жестокий смех раздался из уст Уолли. Не обращая внимания на коленопреклоненную женщину, она пронзительно закричала:

— Оставь свои мольбы, тебе ничего не удастся от меня добиться! Ты никогда больше не увидишь своего ребенка! К тому же я пришла не слушать твои причитания, а отвести в другое

помещение, где никто не услышит твоих воплей!

— Так вот почему ты здесь? — вскричала Герда, вскакивая с пола.

Она выпрямилась и возмущенно проговорила:

— Ты не человек из плоти и крови, ад изверг тебя, иначе бы ты не мучила бы меня так бесчеловечно! Но страшись возмездия! Есть вечный Бог, который отомстит за меня и за мое бедное дитя! Будь ты проклята во веки веков!

С трудом сдерживая гнев, Уолли схватила слепую женщину за руку и потянула ее вперед. Герда попыталась ухватиться за железную подставку, но силы ее вскоре ослабли, и со слабым стоном она рухнула на пол без сознания.

Теперь второй стало проще! Сильными руками она подняла хрупкую фигурку с пола, понесла ее по лестнице и положила на каменную плиту в самом низу. Вспыхнул свет электрического фонаря. При его свете Уолли приподняла люк, и вот уже показалась маленькая лестница, ведущая в темные глубины. Здесь она перенесла слепую графиню вниз и положила ее на связку соломы.

— Ну вот, — сказала она, снова вставая, — и всё! Пусть кричит сколько угодно, никто ее не услышит!— . Схватив лампу, она с торжествующей улыбкой на губах поднялась наверх, и тут же захлопнула за собой люк. Герда была погребена заживо!..

Встревоженный отсутствием вестей от Герды, Ульрих Хансен отправился в замок через два дня после свадебного торжества Уолли. Однако он не осмелился сразу отправиться туда, поэтому выжидал удобного случая, чтобы поговорить с кем-нибудь из домашних.

Случай оказался к нему благосклонен: вскоре из ворот вышел слуга. Ульрих поспешно подошел к нему и вежливо спросил:

— Скажите, пожалуйста, как обстоят дела у слепой графини? Ведь вчера вечером она благополучно вернулась домой, не так ли?

Вместо ответа слуга удивленно вытаращил глаза.

— Слепая графиня? — заикаясь, произнес он наконец. — Но она уже давно умерла! Неужели вы не знаете, что несколько месяцев назад она утонула в пруду замка?

— Может быть, и так, но она была спасена и жива! Я сам привел ее сюда, к замку, два дня назад!

Теперь слуга уставился на стоявшего перед ним человека, словно подумав:

— Он, должно быть, сошел с ума.—

Затем он произнес, качая головой:

— Я не понимаю, но слепая графиня мертва, поэтому она не могла прийти в замок! К тому же вчера состоялась свадьба графа с двоюродной сестрой покойной графини!

Ульрих, издав крик ужаса, отшатнулся. Его лицо побелело, как простыня, но в глазах появился

грозный блеск.

— Что вы говорите? Свадьба уже состоялась? Какое безобразие! Этот брак недействителен, потому что слепая графиня жива! Но где же сейчас несчастная женщина? Должно быть, она приехала в замок! Боже мой, — простонал он громко, объятый пламенным страхом, — неужели за этим снова стоит новое коварство? Не могла же она просто исчезнуть? Я непременно должен это выяснить! Я узнаю правду во что бы то ни стало!

Не говоря ни слова, Ульрих промчался мимо слуги через ворота.

Лакей проводил его глазами, качая головой.

— Похоже, у него действительно не все в порядке с головой! — пробурчал он. — Он говорит, что слепая графиня еще жива! Да, если бы это было правдой, мы бы все этому только порадовались!

Тем временем Ульрих Хансен быстрым шагом спешил к замку. Его путь лежал через павильон, где Герда подслушала разговор своей кузины с любовником. И так случилось, что Уолли тоже сейчас спускалась вниз по ступенькам.

При виде Ульриха она вздрогнула: она уже его раньше знала, когда однажды навещала отца Герды.

— А, господин Хансен, если я не ошибаюсь? — спросила она, быстро шагнув ему навстречу.

— Да, это я! — кивнул Ульрих, окинув ее презрительным взглядом. — Я хочу поговорить с графом!—

В голове Уолли лихорадочно завертелись мысли. По выражению лица Хансена она заподозрила неладное. Она должна была попытаться любой ценой предотвратить этот разговор.

— Моего мужа, к сожалению, нет дома, он куда-то уехал. Если вы хотите что-нибудь узнать, я в вашем распоряжении!

Сгорающий от негодования Ульрих посмотрел на обольстительно улыбающееся лицо соблазнительной женщины, которая в данный момент также бросала на него свои нежные взгляды. И когда он вспомнил о несчастной Герде, которая так много пережила из-за этого лживого существа, его охватила ярость, и он едва не потерял самообладание.

— Да, на данный момент могу поговорить с вами! Прежде всего, скажите лучше, куда делась слепая графиня? — проговорил он угрожающим голосом, в то время как его глаза пристально разглядывали стоявшую перед ним лживую женщину.

Смертельный испуг, с которым Уолли отступила назад, сказал ему достаточно. Но так же быстро она вновь овладела собой.

— Что вы такое спрашиваете? Куда делась слепая графиня? Ну, каждый ребенок может сказать вам, что она нашла смерть в пруду замка!

— Вы сами прекрасно знаете, что это неправда! — возмущенно воскликнул Ульрих. — Вы знаете, что графиня жива, и все же вы отправились к алтарю под руку с графом! Я добьюсь, чтобы этот брак признали недействительным! Но прежде всего я спрашиваю вас: Куда вы увели бедную слепую женщину? Я не сомневаюсь, что вы убрали несчастную, которая еще не

доставляла вам столько хлопот, как в тот вечер!

На лице Уолли не дрогнул ни единый нерв. Она прекрасно держала себя в руках. Выпрямившись, она сказала, искусно изображая из себя оскорбленную:

— Милорд, как вы смеете бросать мне в лицо такие ужасные обвинения! Если бы здесь был мой муж, он бы призвал вас к ответу за это! Я ничего не знаю ни о том, чтобы Герда была жива, ни о том, что она возвращалась в замок!

— Вы лжете! — прогремел Ульрих, потеряв самообладание. — Я сам вытащил графиню из пруда в тот вечер и позавчера проводил ее сюда, на аллею, после того, как она пришла в себя после тяжелой болезни! Значит, она должна быть в замке, и единственная, кто была заинтересована в том, чтобы Герда не объявилась, — это вы! Только вы могли убрать слепую женщину, и именно поэтому я хочу отправиться к графу, чтобы раскрыть ему на вас глаза!

— Милорд, как вы смеете бросать мне в лицо такие ужасные обвинения! Если бы здесь был мой муж, он бы призвал вас к ответу за это! Я ничего не знаю ни о том, чтобы Герда была жива, ни о том, что она возвращалась в замок!

— Вы лжете! — прогремел Ульрих, потеряв самообладание. — Я сам вытащил графиню из пруда в тот вечер и позавчера проводил ее сюда, на аллею, после того, как она пришла в себя после тяжелой болезни! Значит, она должна быть в замке, и единственная, кто была заинтересована в том, чтобы Герда не объявилась, — это вы! Только вы могли убрать слепую женщину, и именно поэтому я хочу отправиться к графу, чтобы раскрыть ему на вас глаза!

Лицо Уолли стало белоснежным от ярости. Но для того, чтобы удержать его от крайностей, она вдруг натянула другие струны.

— Бедный Ганс, я очень хорошо понимаю, что вы чувствуете, — сказала она с состраданием. — Я знаю, что Герда когда-то много значила для вас! Поэтому я также прощаю вам ваши резкие обвинения. Я сама глубоко потрясена вашими заявлениями о том, что Герда еще жива, и даю вам мое самое честное слово, что не успокоюсь, пока не раскрою тайну ее бесследного исчезновения! Неужели вы не верите мне теперь, что я вообще ничего не знаю о ее пребывании здесь?

Говоря это заискивающим голосом, она подошла к нему, положила свою руку на его руку и посмотрела в его глаза обольстительным взглядом.

Но он с отвращением оттолкнул от себя лживую змею и с негодованием воскликнул: — Ни слова не верю вам, ибо знаю вашу лживость и вероломство! Ваша милая внешность не обманет меня! Я знаю, что вы разрушили счастье Герды и выгнали несчастную женщину из дома! Но ваш час настал; я сорву маску с вашего лица, чтобы граф отвернулся от вас с презрением!

В одно мгновение ее коварный взор метнулся к нему, и безумный страх стиснул ее сердце. Она погибла, если он исполнит свое намерение.

Ее взор забегал в поисках помощи — и вдруг радостное чувство пронзило ее, потому что она в нескольких шагах от себя между кустами заметила лицо Курта — ее любовника, который пристально наблюдал за происходящим. Он должен помочь ей убрать с дороги этого опасного противника

— Хорошо, — кивнула она, словно задумавшись, — вы можете идти своей дорогой; я нисколько не боюсь ваших обвинений. Как я вам уже говорила, графа нет дома.

— Так что я или дождусь его возвращения, либо сам выйду к нему навстречу, — решил Ульрих.

— Во имя всего святого, — усмехнулась она и бросила быстрый взгляд в сторону кустов.

Не обращая на нее внимания, Ульрих пошел по знакомой тропинке, ведущей в Беренштайн. Однако как только он скрылся за очередным поворотом, Уолли подлетела к Курту. Они перекинулись короткими фразами, а затем Курт тоже исчез в том же направлении, куда направился Ульрих, но все время оставался в тени.

Шаги Ганса становились все медленнее и медленнее, чем дальше он шел. Отрицание Уолли не произвело на него никакого впечатления. Но то, что она с такой готовностью позволила ему поговорить с графом, заставило его задуматься. Неужели она все-таки была невинна? Но его сомнениям длились недолго. Нет, нет! Никто больше не был заинтересован в исчезновении Герды. Она должна была избавиться от нее, и, возможно, таким явным образом, что ее не смог бы найти даже граф.

Несколько раз ему казалось, что он слышит тихие шаги где-то в стороне, но никого не было видно. Наконец он перестал обращать на это внимание. Минут через десять он уже должен был добраться до конца рощи, а там и до Беренштайна.

Последний поворот! Остался лишь короткий отрезок между густо растущими елями — и вдруг он снова остановился. На этот раз он отчетливо услышал чьи-то шаги — но сколько он ни всматривался, никого не было видно.

Покачав головой, он, в конечном счете, продолжил идти дальше. Он не видел фигуры, появившейся из-за деревьев позади него, не слышал шагов человека, следовавшего за ним по песчаному грунту. Человек крепче сжал в руке посох, набалдашник которого был сделан из свинцового шара, и быстро, но бесшумно, как кошка, приближался к ничего не подозревающему Ульриху.

Неужели Ульрих вдруг почуял, что за ним кто-то следит? Как раз в тот момент, когда он собирался повернуть, тишину леса нарушил отвратительный, прекрасно слышимый крик. Свинцовый набалдашник со страшной силой обрушился на голову Хансена. Несчастный схватился за голову обеими руками, но тут же зашатался. Перед его глазами закружились черные тени — и вдруг он рухнул на землю без единого звука.

Бедный Ганс! Несчастная Герда! Что теперь с вами будет?!

http://tl.rulate.ru/book/92712/3101515